

Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка

И.В. Гусева

Статья посвящена анализу специфики фразеологических единиц мексиканского национального варианта испанского языка, вариативности фразеологем в зависимости от историко-культурных особенностей формирования и функционирования национального варианта. В ней также рассматривается лексическое наполнение фразеологем в дискурсе в зависимости от характеристик референтной группы, условий и стиля коммуникации.

Роли родного языка в целом и лексического фонда в частности в формировании личности и национального характера посвящено множество исследований в российской и зарубежной лингвистике. Слова, словосочетания, паремии являются элементами языковой картины мира, определяющей восприятие мира носителями языкового сообщества. Однако наиболее ярко национальная специфика прослеживается не на отдельных фактах использования лексических единиц, а на уровне речевых произведений, выявляющих особенности образного метафорического мышления носителей данного языка или его национального варианта. С.Г. Тер-Минасова в монографии «Язык и межкультурная коммуникация» пишет, что восприятие мира наиболее ярко передается «устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа».

Источником идиоматических выражений в нашем исследовании являются художественные произведения современных мексиканских писателей, фразеологические словари мексиканско-

го варианта, словари мексиканизмов и научные статьи мексиканских лингвистов по данной теме. «Количество и качество идиом, отражающих положительную и отрицательную оценку тех или иных человеческих качеств, можно считать показателем этических норм, правил социальной жизни и поведения в обществе, отношения нации через ее культуру и язык к миру, другим народам и культурам»¹, – считает С.Г. Тер-Минасова.

Единицы этого слоя Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров в ряде статей предлагают назвать логоэпистемами. Согласно их определению, логоэпистема – это:

– «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры»²;

– «знание, несомое языковой единицей как таковой»³.

В связи с этим фразеология стала объектом исследований не только в области лексикологии, но и в лингвокультурологии. Ибо именно фразеология в широком смысле понимания термина, то есть собственно фразеологические обороты, по-

Гусева Ирина Валериевна – старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: irina.1007@mail.ru

словицы, поговорки, афоризмы и т.п., позволяет исследовать моделирование действительности в языке и пополнить знания о языковой картине мира определенной национальной общности. В.С. Виноградов пишет в этой связи: «В этих языковых единицах, многие из которых сохраняют образно-структурную мотивировку, отражены, иногда с особой полнотой и ясностью, не только материальные и духовные объекты, которые обладают национальной спецификой, но и нравственные, моральные, психологические оценки, характеристики, пристрастия, составляющие понятие национального духа и национальной личности»⁴.

Именно паремии стали одним из важных элементов, позволивших сберечь исконные особенности языка и культуры, то есть сохранить мультикультурализм современного, в частности мексиканского, сообщества, сокращая тем самым влияние так называемого «плавильного котла» (англ. *melting pot*), слияния всех культур в одну, идеи, так популярной в научных кругах США и Канады. Испанский писатель Артуро Перес Реверте, например, говоря в одном из своих интервью об образности языка своих друзей-мексиканцев, заявил: средний мексиканец способен за 3 минуты выразить мысль, для изложения которой писателю потребовалось бы 400 страниц⁵.

При этом очень важно иметь в виду, что иностранный исследователь часто рискует экстраполировать свой фразеологический и языковой опыт на иную языковую реальность и неверно истолковать внутреннюю форму той или иной единицы. Например, сравнение из паремиологического фонда мексиканского варианта испанского языка *estar algo o alguien como agua para chocolate* (букв. *быть как вода для шоколада*) у представителя иной культуры может вызвать неправильные ассоциации, напрямую связанные с гастрономическими традициями определенной страны.

Восточная традиция потребления кофе рекомендует запивать этот горячий напиток холодной водой, так же поступают и с горячим шоколадом, причем, не только на Востоке, но и в западных странах часто к чашке горячего шоколада подают бокал холодной воды. В России на протяжении многих лет горячий напиток из какао бобов назывался по имени зерен – какао, а следовательно, при упоминании метафоры *somo agua para chocolate* представитель русского языкового сообщества будет искать связь с плиткой шоколада, а не с горячим напитком, что не позволит ему найти правильное толкование паремии.

Именно это и произошло при появлении в российском прокате мексиканского фильма по сценарию Лауры Эскивель, который первоначально демонстрировался под названием «Как вода для шоколада». В отличие от русского перевода романа писательницы, получившего на русском языке название «Шоколад на крутом кипятке», он был переименован в «Опаленные страстью». Оно способствовало более точному пониманию образа, так как правильное толкование пословицы – находится на грани душев-

ного срыва, быть готовым разразиться бранью или слезами.

Важность анализа именно пословиц, поговорок и сравнений для исследования отражения в языке особой ментальности, национального характера мексиканцев связана с распространенностью использования этих языковых средств во всех слоях современного мексиканского общества. Доказательством популярности паремий может быть отмеченная лингвистами частотность их появления как в мексиканской художественной литературе XX-XXI вв. у таких авторов, как А. Рейес, А. Яньес, К.Фуэнтес, Х. Ибаргуенгоития, Х. Руйфо, О. Пас, Х.Вольпи, Л. Эскивель, Э. Понятовска, Э. Гарро, так и в современном политическом дискурсе.

Примером насыщенности паремиями произведений художественной литературы может служить трехстраничный фрагмент романа А. Яньеса «Худые почвы», полностью построенный на пословицах и поговорках как собственно мексиканского варианта языка, так и принадлежащих всему иберо-американскому сообществу. Приведем сокращенный вариант фрагмента: «*Nomás los [a los lugareños que lanzan improperios] estoy oyendo rebote y rebote, años y años, como burros con bozal o caballo que coge el freno, aquí los oigo como quien oye llover y no se moja, porque no hay peor sordo que el que no quiere oír; y porque perro que ladra no muerde, ni buey viejo pisa mata, y si la pisa no la maltrata, y porque son como la chiva de Tía Clea, que se come los petates y se asusta de los aventadores, o será porque el valiente de palabra es muy ligero de pies [...]. ¿Qué no me caso? En el Registro Civil y en la Aduana, lo que no se apunta, se gana. No quiero ser de los burros que no rebuznan por miedo de aparejo, ni de los que montan el burro para preguntar por él; más vale que digan: aquí corrió, y no: aquí petateó; el que por su gusto es buey, hasta la coyunda lame; coyundas no más para los bueyes; mejor es aquello de que si una puerta se te cierra, cien te quedan, pues ni una golondrina hace verano, ni en un ángel consiste la gloria, ni un brinco es la carrera, y muchos arroyos forman río...*»⁶. («Вот уже много лет я слышу их возмущенье, они ворчат как оседланный осел или лошадь с натянутыми поводьями, а мне все это как об стенку горох, ведь горбатого могила исправит, а кусает не та собака, что лает, а та, что молчит и хвостом виляет, как верно и то, что старый конь борозды не испортит, ведь он таков, как всем известная коза, которая жует циновки и шарается от веника, ну а о храбрости больше всего говорят трусы. Почему я не женюсь? Зачем лезть на рожон, не хочу жить по правилу «молчи больше, проживешь дольше». Пусть обо мне говорят «здесь прошел...», а не «здесь отошел»; пусть собака бьющую руку лижет; брачные узы для простаков, не знаешь, что найдешь, что потеряешь, ведь одна ласточка весны не делает, один в поле не воин, одна дождинка – еще не дождь, но река начинается с ручейка...»).

Исследователи творчества Яньеса утверждают, что пословиц в романе около 500 и они составляют почти четверть всего текста произведения, и именно это позволило автору создать образ

среднего жителя мексиканского ранчо, точно передав его стиль речи. Задиристый тон, постоянное стремление к самоутверждению, категоричность высказываний – все это передано в наиболее лаконичной форме – в форме паремий. Пословицы и поговорки – характерная форма выражения мысли жителем мексиканского ранчо, так как его собственная жизнь и жизнь его семьи происходит в строгом соответствии со шкалой ценностей, сформированной на основе опыта многих поколений и получившей отражение в паремиях. Необходимо также учесть, что на сегодняшний день сельское население страны составляет чуть менее пятидесяти процентов, а если вычтеть из этого количества горожан в первом поколении, то цифра окажется – более пятидесяти процентов населения, так как в 50 – 60 гг. прошлого века около 60% было занято в сельском хозяйстве.

Рассмотрим некоторые пословицы и поговорки мексиканского варианта испанского языка, отражающие и формирующие свойства национального характера: достоинства человека, высоко оцениваемые в лингвистическом социуме носителей мексиканского варианта языка, и недостатки, осуждаемые в данном сообществе. Мексиканские лингвисты Хоакин Гарсия Икасбальсета, Франсиско Хавьер Сантамария, Дарио Рубио, Лус Фернандо Лара Рамос, Эрон Перес Мартинес и др. провели исследования особенностей паремиологии мексиканского варианта языка. Обобщив результаты их работ, можно выявить несколько ее характерных черт:

– во-первых, в предисловии к первому тому Словаря мексиканской фразеологии Дарио Рубио⁷ обращает внимание на тот факт, что, в отличие от испанского языка Испании, множество пословиц и поговорок мексиканцев связаны с темой разочарования, горечи переживаний от несбывшихся надежд. Например, *Unos son de la fama y otros los que cardan la lana* (букв. *Одним достается слава, а другим приходится чесать шерсть*) содержит упрек в несправедливости жизни, когда одни незаслуженно пользуются всеми благами, а другие терпят неудачи во всем. Однако большая часть фразеологических оборотов выражает не только смирение, привычку к постоянным трудностям и испытаниям, но и определенную иронию по отношению ко всему пережитому, попытку переосмыслить действительность в сознании, характеризуя ее через такие понятия и образы, что она выглядит менее жестокой и горькой. Таким образом, мексиканец находит утешение в иронии и самоиронии:

Como ya me he muerto sé lo que es eternidad (букв. *Так как я уже умер, то теперь знаю, что такое вечность*) – в качестве эквивалента может иметь русские поговорки «стреляный воробей» или «тертый калач»);

¿Qué favor le debo al sol por haberme calentado? (букв. *Какие услуги я теперь буду вынужден оказать солнцу за то, что оно меня согрело?*).

Человек, испытывающий одну неудачу за другой, преодолевая самостоятельно трудности, не расположен ни искать помощи у других, ни рассу-

паться в благодарностях. Многие исследователи⁸ отмечают ироничное отношение мексиканцев к смерти, отраженное в национальной литературе, фольклоре, идиоматике. Мексиканцы, унаследовавшие многие традиции и представления от индейских культур, не просто не боятся смерти, они смеются над ней, бросают ей вызов, причащают детей воспринимать ее как часть жизни. Приведем в качестве примера цитату из разговора Малинче со своей матерью в одноименном романе современной мексиканской писательницы Л. Эскивель: *«Tu miedo me sorprende. Veo que ignoras que morir no es terminar, es continuar, es evolucionar»* («Твой страх меня удивляет. Ты, похоже, не знаешь, что смерть – это не конец всему, это продолжение, это эволюция»)⁹.

Как пишут исследователи жизни индейских племен, населявших территорию современной Мексики, ацтеки, как и майя, не испытывали страха перед смертью, она была частой темой бесед в семье. Жизнь индейцы воспринимали как короткое мгновение в длинной череде событий на протяжении всего существования души, о чем свидетельствует песня, приписываемая ацтекскому правителю-философу Нецауалькойотлю:

Даже нефрит разобьется,
Даже золото разрушится,
Даже перья птицы кетсаль износятся.
Никто не живет вечно на этой земле:
Только на краткий миг мы здесь¹⁰.

Таким образом, вся жизнь ацтека была борьбой за счастливое существование души после смерти, так как от поведения при жизни и причины смерти зависела судьба души. Наиболее высокой оценки в обществе заслуживала смерть на поле битвы или на жертвенном алтаре, тогда душа возвращалась через четыре года на землю в виде колибри или яркой бабочки. Следующей в шкале ценностей была смерть при родах, приравниваемая к гибели на поле битвы, после четырех лет в раю, душа в этом случае возвращалась в виде мотылька. Смерть в преклонном возрасте не позволяла рассчитывать на счастливое продолжение существования души, которой предстояло совершить путь через восемь преисподних до подземного мира и быть уничтоженной после долгих мучений в девятой. Поэтому смерть в молодом возрасте воспринималась родственниками и друзьями усопшего даже с некоторой радостью, так как считалась не просто предпочтительнее, а становилась продолжением существования души. Следствием этого является и шумное веселье в современной Мексике в День мертвых. Такое специфическое восприятие понятия «смерть» закреплено во множестве фразеологических оборотов, выражающих ироничное отношение к смерти:

– *Eres como la muerte de Apango; que ni chupa, ni va al fandango* (букв. *Ты как смерть Апанго, которая не курит и не ходит на шумные вечеринки*); сходная по значению пословица, ярко иллюстрирующая расхождение между менталитетом мексиканцев и представителями других испаноязычных сообществ и русскоговорящего

социума в восприятии и интерпретации лексемы *muerte*.

– *Ni se muere mi tata, ni cenamos* (букв. *Ни папочка не умер, ни поужинали*); *al cabo la muerte es flaca y no ha de poder conmigo* (букв. *в конце концов смерть слаба и не должна со мной справиться*) – утверждение, что человек сильнее смерти, так как умирает только тело, а для души начинается новая жизнь.

– *A mí las calaveras me pelan los dientes* (букв. *черепа мне ласково улыбаются*).

– *Chilaquiles aquí y enchiladas allá?* (букв. *кукурузная лепешка в соусе здесь и кукурузная лепешка с начинкой там?*)

Оба упомянутых блюда мексиканской кухни практически идентичны, также сходны и условия жизни до и после смерти, в пословице отражена индифферентность мексиканца к этому явлению и в то же время отсутствие необходимости бороться за жизнь.

– *No vas a morir de parto ni de cornada de burro* (букв. *Ты не умрешь ни при родах, ни от удара рогов осла*) – пословица, обращенная к мужчинам, выражает насмешку по отношению к тем, кто боится сложностей в жизни, и призывает решать самые сложные проблемы спокойно, так как даже смертельный исход не должен страшить человека, как обычное естественное жизненное событие. Сравним в русском языке: *Бог не выдаст, свинья не съест*. Также призыв не бояться трудностей, но с апелляцией к богу, как защитнику и покровителю, способному помочь в трудную минуту.

– *Sólo los guajolotes mueren la víspera* (букв. *Только индюшка умирает накануне*) – убеждает, что не стоит быть пессимистом, не забегать вперед, предвосхищая события, так как это равносильно желанию предвидеть, когда человек умрет; надо жить достойно каждый день, а смертный час для каждого наступит не раньше и не позже положенного срока, только индюшка умирает накануне праздника, на котором она станет одним из блюд на праздничном столе.

Во Фразеологическом словаре пиренейского варианта А. Буитраго не содержится пословиц с элементом *muerte*. В русской фразеологии концепт «смерть» появляется гораздо реже, и, как правило, пословицы и поговорки на эту тему не содержат иронии:

- *На миру и смерть красна.*
- *Смерть не за горами, а за плечами.*
- *Смерть причину найдет.*
- *Собаке – собачья смерть и т.д.*

Формирование на протяжении веков традиционного ироничного отношения мексиканцев к себе и ко всему происходящему можно расценивать как защитную реакцию, позволяющую выживать в крайне тяжелых жизненных ситуациях.

– *«Esta lucha desigual y desesperada, se manifiesta en sus refranes, en sus dichos; y las intemperancias, los atrevimientos, la desenvoltura de su lenguaje común y corriente suben de punto en los dichos, en los refranes, de manera absolutamente natural y dentro de la diferencia que va del empleo de una voz para la designación de un acto, de un objeto cualquiera, a la expresión de*

una idea que toma forma en el sentimiento que le da vida en el primero e incontenible arranque de dolor, de desesperación. No podría ser de otra manera tratándose de nuestro pueblo; por algo es esencialmente característico el lenguaje popular mexicano. El día que este lenguaje dejara de ser atrevido, altivo, picaresco, perdería lo que le distingue de todos los de los demás pueblos de habla española, y ya no seríamos muy mexicanos, los mexicanos, en ésta que es una de las manifestaciones de nuestro inconfundible modo de ser»¹¹.

– *«Эта неравная отчаянная борьба нашла свое отражение в их пословицах, их поговорках; невоздержанность, дерзость и даже развязность обычного повседневного языка совершенно естественным образом резко возрастают в пословицах и поговорках. Глубина этих изменений соизмерима с глубиной различия между словом, используемым для простой номинации предмета или действия, и словом, вырвавшимся прямо из глубин страдающей души для выражения чувства нестерпимой боли и отчаяния. Иначе и быть не могло, если речь идет о моем народе, неспроста ведь наш язык так своеобразен и самобытен. Если бы наступил тот день, когда язык этот лишился бы своей дерзости, заносчивости и лукавства, он потерял бы отличие от всех остальных вариантов языка испаноговорящих сообществ, а мы уже не были бы мексиканцами в полном смысле этого слова, мы потеряли бы самих себя».*

Все исследователи отмечают особую, даже иногда кажущуюся им чрезмерной экспрессивность мексиканской фразеологии. Например, *cada quien es muy dueño de hacer de su culo un papalote*¹² (букв. *Каждый имеет право сделать из своей пятой точки воздушного змея*). *Cada uno tiene su manera de matar pulgas* (букв. *У каждого свой способ убивать блох*) – высказывание обращено к тем, кто осуждает манеру поведения или решения проблем говорящим и закрепляет право каждого поступать на свое усмотрение, даже если его действия вызывают удивление окружающих. В русском языке эквивалент – *Каждый по-своему с ума сходит*; *Cáete, cadáver* (букв. *падай, труп!*) – то есть «умри, но сделай», призыв выполнить обещание, долг, обязательство.

В некоторых пословицах и поговорках экспрессия достигается путем выбора просторечных, часто отмеченных как грубые, лексем, однако такого рода пословицы составляют меньшинство. Многие авторы объясняют появление такого рода пословиц не столько особенностями жизненного опыта простого народа, восприятия действительности коренными мексиканцами, а скорее расценивают их существование как результат влияния языковой традиции конкистадоров и колоннов, которая шокирует мексиканцев: *«... tómesese cualquier refranero español, el que se quiera o se tenga a mano, y en él se encontrarán refranes verdaderamente crudos por la inclusión en ellos de voces tan malsonantes como poco decentes, para nosotros, por nuestra particular manera de ser en cuestiones de lenguaje, que no se atrevería a publicar en México ningún escritor mexicano, así tuviera toda la autoridad para hacerlo»¹³.* («... возъ-

мите любой сборник пословиц, понравившийся вам или оказавшийся под рукой, в нем вы найдете откровенно грубые пословицы, содержащие слова неприличные и непристойные для нашего общества, такого щепетильного в вопросах языка. Произведение такого рода не осмелился бы напечатать ни один мексиканский писатель, и это было бы правильным решением»).

Если сравнить, например, очевидно грубо-просторечную пиренейскую поговорку *Nunca falta un tiesto para una mierda*, эквивалентную русской поговорке «Свинья грязь найдет» с ее мексиканским вариантом *Siempre hay una media sucia para una pierna llagada* (букв. *Всегда найдется грязный чулок для изъязвленной ноги*), заметна меньшая грубость последней при сохранении неприятно-го для зрения и слуха образа. Испанские авторы, в свою очередь, не перестают подчеркивать исключительную вежливость мексиканцев. В своей статье «Ночь в Тенампа» из сборника статей «Живым не возьмете» («No me cogereís vivo») Артуро Перес-Реверте так описывает мексиканских таксистов: «...hasta los taxistas te atacan con toda la naturalidad del mundo. Hablándote, eso sí, todo el rato de usted. Aquí, los atracadores no han perdido las maneras. Dame usted ahorita las tarjetas de crédito o se muere dicen apuntando la artillería. Y me fascina ese formal se muere. Lo plantea como si se tratara de tu exclusiva responsabilidad»¹⁴. («...здесь даже таксисты нападают как-то естественно, без пафоса. При этом обращаются к жертве исключительно на «вы». «Немедленно отдайте мне все кредитные карты или вы умрете», – говорят они прицеливаясь. Меня умиляет это возвышенное «умрете». Они говорят об этом, как будто у человека и правда есть выбор»).

Скрытую грубость множества мексиканских фразеологизмов Дарио Рубио, например, связывает именно с фрустрацией надежд и планов, с горем и разочарованиями, являющимися неотъемлемой частью жизни мексиканского народа на протяжении веков. Межплеменные конфликты доколумбовой цивилизации, жертвоприношения ацтекских жрецов, испанская конкиста, борьба за выживание и сохранение национального своеобразия – все эти события оставили след в коллективном разуме мексиканского сообщества. Переработанные сознанием, они получили свое воплощение во фразеологии и сохранились в современных паремиях как обобщение мудрости и опыта множества поколений.

В целом ряде пословиц тот же грубоватый смысл выражен завуалированно, с помощью эвфемизмов. При этом экспрессия сохраняется без ущерба для уже отмеченной выше склонности мексиканцев к вежливости. Например, *Amarren a sus caluñas, porque mi gallo anda suelto* (букв. *Привяжите своих курочек, а то мой петух гуляет на свободе*) – призыв к родителям присмотреть за незамужними девушками; *Unos nacen para la pena y otros para la repena* (букв. *Одни рождаются, чтобы страдать, другие, чтобы воровать*) – *repengar* – уауатлизм, используемый в мексиканском варианте испанского языка как синоним глагола *recoger algo*

caído. Однако здесь очевидный намек на переносное значение отглагольного существительного, зафиксированное в словаре Королевской академии языка как мексиканизм со значением «воровство».

Другим примером может служить множество пословиц мексиканского варианта с лексемой *chile*, значение которой в пословицах зачастую не связано с одноименным овощем, а является эвфемизмом табуированной лексики, например:

– *no le digas «vente chile», sin guardarte las espaldas*¹⁵ (букв. *не говори: «Эй ты, перец», если не принял меры по обеспечению своей безопасности*) – Не провоцируй другого, не задирайся, не приняв меры предосторожности;

– *como los indios de Xochimilco: pidiendo chile a gritos* (букв. *громко требуют чили, как индейцы из Сочимилко*) – о женщинах «легкого поведения», каламбур построен на двусмысленности слова *chile*: неотъемлемая часть ежедневного пищевого рациона мексиканцев, с одной стороны, и упомянутое выше использование в качестве эвфемизма;

– и множество других пословиц и поговорок с этой лексемой, имеющих откровенно грубый смысл и свойственных просторечному стилю языка.

Мексиканские лингвисты объясняют такое противоречивое сочетание врожденной экспрессивности и откровенности характеристик, с одной стороны, и традиционного консерватизма, распространяющегося на все сферы жизни общества, с другой. Таким образом, выбор лексических средств определяется особенностями мексиканского национального характера и находит свое отражение в языковой картине мира.

«*Si es verdad que somos los mexicanos, y esto no puede negarlo nadie ni evitarlo, muy atrevidos en materia de lenguaje, somos también de oídos muy delicados para cualquiera expresión malsonante, lo que nos hace ir más que de prisa tras el empleo de la voz que equivale a la que pretendemos ocultar o al de la que tiene una semejanza fonética a fin de dulcificar la fuerza de la expresión por lo que hace al sonido, no desvirtuando la idea que informa la intención que perseguimos*»¹⁶. («Если исходить из того, что мы, мексиканцы, крайне дерзки на язык, а это невозможно ни отрицать, ни изменить, то надо учитывать и то, что нам режет ухо любое непристойное выражение. Это и заставляет нас прилагать невероятные усилия в поисках адекватных смысловых или сходных фонетически обозначений табуированной лексики с целью смягчить крепость выражений, но лишь по форме, не изменяя ни в коей мере содержания самой идеи, выражающей наши намерения»).

Той же цели – смягчить эффект использования грубо просторечных элементов целого ряда пословиц и поговорок – отвечает и их вариативность. Будучи обобщенным опытом жизни нескольких поколений, пословицы формировались как устное творчество, однако с появлением возможности перенести устные творения на бумагу, возникла необходимость определенной их адаптации к письменным жанрам.

■ Филология

– «*Y si tales destemplanzas, oídas nos causan penas y molestias bien grandes, escritas y publicadas deben de parecer, entre nosotros sobre todo, por lo que exhiben, un desacato incalificable*»¹⁷. («И если такая невозддержанность в выражениях шокирует и режет ухо, то можно предположить, что, получив графическое выражение и будучи опубликованными, такого рода выражения покажутся нам возмутительным оскорблением»).

Таким образом, фразеология в мексиканском варианте испанского языка – это живая, постоянно развивающаяся область. Частотность использования пословиц, поговорок и сравнений в современном мексиканском социуме напрямую связана с особенностями менталитета и национального характера мексиканцев, их склонностью к иронии и самоиронии, стремлением говорить вслух о запретных темах, откровенно выражать недовольство людьми и их действиями, не шокируя при этом слух собеседника, прибегая к помощи

образов. Поэтому в мексиканской паремиологии в основном не используется табуированная лексика, а острота высказываний достигается благодаря эвфемизмам, игре слов и построению заведомо двусмысленных высказываний.

Guseva I.V. Peculiarities of the Phraseology of Mexican National Variant of Spanish Language.

Summary: *This article focuses on some theoretical and practical problems of Mexican phraseology, its historical and cultural sources and points out the difference from Spanish idioms of Pyrenean standard. The collected language material illustrates the variability of Mexican proverbs in speech, depending of the situation of the act of communication, style and reference group of the communicating subject. The article also includes a classification of the main characteristics of Mexican phraseology, that gives a possibility to compare two national variants of Spanish: the Mexican and the Pyrenean one.*

Ключевые слова

Фразеология, пословицы, мексиканский национальный вариант, межкультурная коммуникация, пиренейская норма.

Keywords

Phraseology, proverbs, Mexican national variant, intercultural communication, Pyrenean standard.

Примечания

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация, Издательство Московского университета, 2004, С. 183.
2. Костомаров В. Г. Старые мекхи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. СПб., 2001. С. 39.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация, Издательство Московского университета, 2004., С. 182.
4. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М.: Высшая школа, 2003. С. 214.
5. El Mundo, 2008.
6. Yañez, A. .Las tierras flacas, México, Editorial Joaquín Mortiz, 2003. С. 51-52.
7. Rubio, D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, P.. III – XXXI.
8. Чеснокова О.С Испанский язык Мексики: языковая картина мира. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. С. 85 -103.
9. Esquivel, L. Malinche, Madrid, Santillana Ediciones Generales, S.A., 2005. P. 156.
10. Брэй У. Ацтеки. Быт, религия, культура. М.: Цунтрполиграф, 2005 С. 82.
11. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos., Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, Pág. XVIII.
12. Pérez Martínez, H., Refranero Mexicano. Academia Mexicana de la Lengua., <http://www.academia.org.mx/refranero.php>
13. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, P. XXII.
14. Pérez-Reverte A., No me cogereís vivo, Santillana Ediciones Generales, Madrid, 2007, P. 391
15. Pérez Martínez H. Refranero Mexicano, Academia Mexicana de la Lengua., <http://www.academia.org.mx/refranero.php>
16. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940. P.. XXI.
17. Там же. P. XXI